

ВНИМАНИЕ!
ВЫ ПЕРЕХОДИТЕ
КРАСНЫЕ ЛИНИИ

Коллектив «Solution Lab»

**«Я продолжаю работать
в России»: гражданский
и политический активизм
в 2022-2025 годах**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Center for Independent Social Research, Berlin

№3 | ноябрь
2025

Содержание

- 3 «Не всё так однозначно 2.0»: что значит быть против войны в 2025 году
- 5 Нащупывание «красных линий»
- 8 «Могу рискнуть и сказать, что я хочу мира»: определение допустимого в публичной сфере
- 13 «Все нормально, в этом баре все свои»: между осторожностью и открытостью
- 17 «Мы с ней не обсуждаем политику»: активизм и частная жизнь
- 19 «Проектирование в Мариуполе конечно же нам предлагали, но я от этого отказывался»: активизм и профессиональная деятельность
- 23 «Собрались абсолютно разные люди из разных движух»: оппозиционная политика в современной России
- 26 «Мастерплан одного города, не буду говорить, какого»: границы сотрудничества с «не-единомышленниками»
- 30 «Я не хочу покидать свою страну»: обострение конфликта между профессиональным и личным
- 32 Заключение
- 34 Литература

«Понятно что страшно... Но как бы банально это ни звучало, я чувствую, что ничего не делать — это ещё страшнее»
(политический активист).

¹ У этого текста трое авторов, которые вынуждены оставаться анонимными из соображений безопасности.

После февраля 2022 года мы, социальные учёные, объединённые в «Solution Lab»¹, исследуем, как в России меняются гражданские оппозиционные инициативы, и какие существуют возможности для гражданского и политического действия внутри страны. В этом тексте мы последовательно рассмотрим ситуации, в которых гражданские и политические активисты сталкиваются с необходимостью принимать решения о том, как действовать исходя из соображений безопасности, солидарности, этики и других факторов. Особое внимание уделяется метафоре «красных линий» — тому как активисты осмысливают новые «правила игры». *Красные линии* традиционно используются в контексте внешней политики для обозначения пределов в отношениях между государствами, пересечение которых приводит к санкциям. С конца 2024 года эта метафора активно заимствуется активистами для описания своих представлений о границах допустимых форм поведения и высказывания. Эти ограничения касаются не только взаимодействий с государством, но и отношений с коллегами и в частной жизни.

Представленный анализ опирается на качественные методы исследования: наблюдения, индивидуальные и групповые интервью, неформальные беседы с действующими активистами в разных городах и регионах России. С 2022 года наша команда провела более 100 индивидуальных интервью с людьми из полутора десятков регионов России. В шести регионах мы проводили наблюдения: встречались с людьми, участвовали в различных мероприятиях, что помогло нам лучше разобраться в контексте. Все активисты, с которыми мы общались, разделяли «антирежимную позицию»², и условно их можно разделить на две основные категории:

— Политики и политические активисты с опытом участия в выборах в качестве кандидатов, депутатов или наблюдателей, волонтеров, сотрудников предвыборных штабов, преимущественно на местном (городском или муниципальном) или региональном уровнях

— Гражданские активисты, работающие с разнообразной тематикой: экология, охрана культурного наследия, художественный активизм, неформальное образование, защита прав и др.

² «Антирежимными» или оппозиционными мы называем российских активистов, которые не считают нынешнюю власть, начиная с президента, легитимной по причине фальсификации большинства выборов. Они выступают против проводимой российскими властями внутренней политики, прежде всего, в отношении нарушения гражданских прав и свобод. Антивоенная позиция в этой среде не всегда совпадает с антирежимной, но в случае с нашими информантами это так.

«Не всё так однозначно 2.0»: что значит быть против войны в 2025 году?

В 2022 году фраза «не всё так однозначно» применительно к полномасштабному вторжению России в Украину стала мемом, указывающим на тех, кто одобрял или как минимум оправдывал вторжение. Подобное высказывание в разговоре друзей, коллег, родственников в 2022—2023 году могло стать причиной разрыва отношений. Однако к концу 2024 года мы зафиксировали значимые изменения. Парадоксальным образом, по мере развития конфликта фраза «не всё так однозначно» стала всё чаще звучать из уст противников войны. Это происходило на фоне ряда событий, таких как общая усталость от войны и разочарование в попытках мирных переговоров, принуждение срочников к подписанию контрактов и привлечение добровольцев за деньги; все большего числа погибших среди одноклассников, друзей, соседей, родственников наших собеседников (в том числе тех, кто был мобилизован против воли) и др. Эти события не столько меняли отношение к войне, сколько усложняли и делали противоречивее понимание её причин и последствий. Например, некоторые собеседники подвергали критике национализм во всех его проявлениях и критиковали украинское правительство из-за отказа подписать мирный договор и стремление сохранить границы национального государства ценой многих человеческих жизней. Активисты также озвучивали своеобразную версию антивоенного интернационализма, в рамках которого солдаты по обе стороны фронта рассматриваются как жертвы империалистической войны.

Для многих наших собеседников восприятие ситуации вокруг войны в Украине чрезвычайно усложнилось, обросло нюансами. «Однозначным» для них по-прежнему остается осуждение войны, безусловное уважение к ценности человеческой жизни, которая ставится превыше геополитических интересов. Тезис же о «неоднозначности» в 2024—2025 годах связан с оценкой факторов, которые привели к войне и не позволяют её завершить. Например, *неоднозначность* может отражать следующие позиции наших собеседников в отношении вооруженного конфликта:

— сложное отношение к внешнеполитическим игрокам: признавая, что ответственность за войну лежит на российском руководстве и лично на Владимире Путине, активисты при этом

придерживаются более комплексного взгляда на причины и перспективы прекращения конфликта. Речь идёт, в частности, о действиях или бездействии США, ЕС и других стран, предшествовавших вторжению России в Украину, касающихся перспектив мирного урегулирования, поставок оружия и усиления милитаризации в Европе;

- скептическое отношение к санкциям: многие ставят под сомнение соблюдение и реальную эффективность антироссийских санкций;

- критика двойных стандартов: некоторые собеседники указывают, что мировое сообщество по-разному реагирует на военные действия разных стран на чужой территории. По их мнению, такие реакции часто избирательны и ограничиваются слабыми мерами — иногда лишь заявлениями лидеров, без серьёзных последствий вроде санкций (в отличие от действий, направленных против России).

Неоднозначность также может подразумевать сложность и комплексность позиций внутри любого из лагерей, будь то про- или антивоенный:

«У меня как раз нет информационного пузыря. У меня [среди друзей] есть четко провоенные и четко антивоенные [...]. Причем провоенные как раз-таки разных взглядов. Есть те, кто ненавидит „хохлов”³. Есть те, кто считают, что это НАТО. Вот это всё. Есть те, кто там за „русский мир” и так далее. То же самое среди антивоенных моих каких-то близких: среди них есть также очень много делений. Есть люди, которые занимают проукраинскую позицию. Есть люди, которые не занимают проукраинскую позицию, но — сторонники антивоенных взглядов и ещё что-то. И вот они между собой, среди вот моего окружения, с друг другом воюют часто, выясняют, кто из них больше пацифист» (журналист, менеджер регионального медиа)⁴.

Таким образом, признание сложности процессов, стоящих за военными действиями в Украине, придало фразе «не всё так однозначно» новый смысл — она стала одним из средств снятия поляризации в российском обществе, открыв пространство для коммуникации людей с отличающимися мнениями и позициями.

³ Мы не искажаем слова наших собеседников и передаем их без купюр; это не означает, что авторы текста разделяют или поддерживают подобные пейоративные и дискриминационные выражения.

⁴ В этой и во всех последующих цитатах используются следующие средства анонимизации: не указываются возраст, город, регион и название инициативы, иногда заменен род. Сохраняется лишь область деятельности и, при необходимости, профессия, связанная с активистской практикой.

Нащупывание «красных линий»

Как после февраля 2022 года менялись настроения и образ действий в среде антивоенных и антирежимных активистов в России? Процесс трансформации можно условно разделить на несколько периодов.

Первый, наступивший сразу после начала полномасштабного вторжения в конце февраля и начале марта 2022 года, описывался нашими собеседниками как состояние «ужаса» и «шока» или как «социальной комы». Происходящее казалось антивоенным активистам невозможным, нереальным, а жестокое подавление протестов, новые репрессивные законы и аресты вызывали чувство бессилия и беспомощности.

Второй период, условно начавшийся в конце 2022 года, наши собеседники охарактеризовали как время «молчания» или «немоты». Невозможность вести публичные, а затем и частные разговоры из-за отсутствия правил и опыта распознавания, с кем и о чем можно говорить, приводила к разрывам отношений, повседневным конфликтам, преследованиям и доносам, разочарованиям в согражданах и в итоге — к экзистенциальному кризису. Многие активисты дистанцировались от друзей и коллег, прекратив с ними общение. Одновременно, это совпало со второй волной массового отъезда, вызванной объявленной осенью 2022 года мобилизацией, которая продемонстрировала высокий уровень солидарности среди антивоенно настроенных россиян.

Третий период пришелся на 2023 год, и на наш взгляд, характеризовался постепенным преодолением социальной самоизоляции, а также формированием неформальных правил и механизмов распознавания *своих* и *чужих*. В этот период активисты широко использовали метафору «бабблы» (пузыря), с помощью которой описывались группы единомышленников, среди которых сохранялось доверие и возможность открыто высказываться. С одной стороны, такая фрагментация снижала риски (конфликтов, доносов и т. п.) и оказывала психологически терапевтический эффект для участников сообществ. С другой — она усиливала разобщенность гражданского общества: многие предпочитали замыкаться в кругу *своих* и ориентировать деятельность преимущественно на них, ограничивая коммуникацию с *другими* из опасения фрустраций и репрессий.

Четвертый период можно условно отнести к 2024—началу 2025 года. С этого времени многие наши собеседники начинают описывать общественно-политическую ситуацию через метафору *красных*

линий — неформальных, но относительно устоявшихся границ, определяющих поведение и высказывания, приемлемые (в том числе по своим последствиям) в разных ситуациях. Изначально используемая пропагандистскими медиа для описания геополитических отношений, эта метафора была переосмыслена антирежимными и антивоенными активистами и наполнена новым содержанием. С её помощью активисты описывают сложную систему правил, помогающую им действовать в постоянно изменяющемся социально-политическом контексте. Хотя сам процесс формирования границ допустимого и «правил игры» не является ни новым, ни уникальным для России, к 2025 году именно метафора *красных линий* стала постоянно звучать в самоописаниях активистов, объясняющих свою деятельность внутри страны ⁵.

⁵ Примечательно, что до января 2025 года ни в одном нашем разговоре с активистами метафора «красные линии» не встречается, в то время как среди трех десятков интервью начала 2025-го года она прозвучала многократно.

Выставка в Иркутске, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

С 2022 года были приняты новые законодательные нормы, предусматривающие административную и уголовную ответственность

за публичные высказывания и действия, например, под запретом оказалось употребление таких слов как «война» и «мир». Возраставание рисков потребовало от активистов периода адаптации и пересмотра границ возможных действий. Актуальные *красные линии* нащупывались постепенно на основании анализа фактических «кейсов»: задержаний и преследований, оправдательных и обвинительных приговоров, изменений в правоприменительной практике, удачных примеров обхода ограничений и ведения активистской деятельности, развития механизмов информационной безопасности и т.д. К концу 2024 года пределы допустимого стали относительно понятными.

Сегодня *красные линии* решают для активистов две основные задачи. Во-первых, они помогают снижать риск государственных репрессий, которые остаются постоянной угрозой. Во-вторых, служат ориентиром во внутренних отношениях активистского сообщества: позволяют сохранять репутацию в разных коммуникативных ситуациях, принимать решения о сотрудничестве, поддерживать личные или рабочие связи. Таким образом, *красные линии* выполняют навигационную функцию, позволяя активистам маневрировать между ценностями и прагматикой, между личным и общественно значимым; между профессиональной и активистской деятельностью.

Ряд наших коллег отмечает, что в России с началом войны отчетливо оформились две сферы жизни — публичная и приватная — каждая со своими сложными правилами поведения (Unscorched Field.2.0., 2024). Наше исследование показывает, что описание деятельности антивоенных и антирежимных активистов в России сегодня не укладывается в бинарную конструкцию «приватное — публичное», поэтому для анализа мы дополнительно вводим промежуточные уровни публичности — полуприватную и полупубличную сферы. На каждом уровне публичности существует свой гибкий набор правил поведения, который далее подробно описывается.

«Могу рискнуть и сказать, что я хочу мира»: определение допустимого в публичной сфере

С 2022 года действия активистов в публичной сфере ограничены как действующим законодательством, так и практикой его правоприменения (т. е. тем, как государственные органы, включая силовые и репрессивные структуры, интерпретируют и применяют новые законы). Ключевым элементом регламентации публичного поведения стали принятые в марте 2022 года законы о так называемых «фейках» и «дискредитации» российской армии. Именно они обозначили наиболее жёсткие и очевидные *красные линии* — границы допустимого, определяющие, что можно и чего нельзя говорить и делать в публичном пространстве, особенно в открытых медиа, доступных широкой аудитории. Нарушение этих границ связано с серьёзными рисками, включая уголовное преследование и лишение свободы. Одним из запретов стало публичное употребление слова «война».

«Ну вот публично говорить о войне — я не буду, потому что это семь лет тюрьмы сейчас. Семь лет тюрьмы для меня — это уже риск. Два года за иноагентство — я готов. Семь лет — это, мне кажется, очень большой срок...» (политический активист, политик, имеет статус «иностранный агент»).

Многие активисты для продолжения своей деятельности вынуждены были самоцензурироваться — осознанно ограничивать и контролировать свои высказывания и действия. Некоторые приняли решение вообще отказаться от публичного обсуждения военных действий:

«Мы просто решили не писать по поводу боевых действий — это первая и самая главная красная линия [...] Мы с N осознанно приняли для себя решение, что мы хотим жить в России. Соответственно — мы будем соблюдать цензурные законы. Мы платим этим за то, чтобы жить у себя на родине. Эта позиция, которую мы сами выбрали» (журналист сертифицированного регионального медиа, городской активист).

Другой распространенной тактикой стало использование так называемого «эзопова языка» — применение синонимических конструкций и эвфемизмов снижает риск репрессий и в то же

время позволяет дистанцироваться от официальной риторики.

«Там, где я считаю, что это безопасно, что это не приведет там к „фейкам об армии“, к уголовке и так далее — я могу рискнуть и сказать, что „я хочу мира“. Сказать, что [давайте] заканчиваем войну, я уже не могу. То есть слово „война“ у нас под запретом. У нас не война, у нас „СВО“. Всё» (политическая активистка).

Эти тактики и уловки не всегда спасают от преследований. Несмотря на то, что к 2024 году основные *красные линии* между допустимыми и очевидно рискованными действиями стали более очевидны, их границы остаются размытыми.

«По поводу того, там страшно или не страшно... Ну вы же понимаете, что сейчас в России можно посадить кого угодно за что угодно?» (оппозиционный журналист)

Применение законодательства на региональном и муниципальном уровнях остаётся непоследовательным, ситуацию усложняют и очевидные двойные стандарты. Слово «война» по-прежнему звучит из уст тех, чья про-военная позиция не подлежит сомнению: государственные чиновники и пропагандисты публично его употребляют. При этом были случаи, когда даже слово «мир» становилось причиной преследования активистов (см. ставшие широко известными случаи с задержаниями на одиночных пикетах с книгами Л. Толстого и кредитными картами российской платежной системы «Мир»).

Новые репрессивные законы создали активистам и другие сложности, помимо контроля за языком. Например, рискованно или невозможно проведение любых активистских публичных мероприятий, в названии или повестке которых содержатся отсылки к темам, которые не приветствуются нынешним режимом. В помещениях, принадлежащих государственным учреждениям, — домах культуры, библиотеках, школах, университетах, музеях и т. д. — стало невозможным проведение культурных событий, даже таких как фестивали, выставки или концерты, если чиновники расценивают их как провокационные или считают организаторов «неблагонадёжными».

Небезопасно проводить публичные мероприятия с участием человека или организации, имеющих статус иностранного агента или организовывать вечера писем политзаключённым. Подобные события неизменно привлекают внимание правоохранительных органов. Иногда мероприятия отменяют в последний момент или на них присылают Росгвардию; иногда преследуют организато-

ров, подвергают их обыскам и допросам. Санкции могут применять и к владельцам помещений, где проходят встречи.

Выставка в Улан-Удэ, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

Тем не менее к 2024 году активисты научились ориентироваться и действовать в пределах этих границ, разбираться в контекстуальных настройках и нюансах. Несмотря на риски, они продолжают проводить антивоенные и антирежимные мероприятия в публичном пространстве, чаще всего действуя через обсуждение тем и вопросов, косвенно связанных с войной и политическим режимом. Организаторам таких ивентов приходится внимательно следить за изменениями в законодательстве и правоприменительной практике в разных городах и адаптировать свою деятельность к актуальным условиям. Почти у каждой инициативы или организации есть свои юристы, которые помогают лавировать между красными линиями.

«Мы понимали, что нельзя в открытую делать какие-то ивенты про войну. Уже появились все эти законы про фейки и вот это всё. Но нам казалось, что говорить о чем-то, кроме войны, будет тоже каким-то бредом, поэтому мы брали смежные темы. Если мы видим в повестке, что это запрещено, что за это есть [уголовные] дела — мы как-то фильтруем...» (политическая активистка, организаторка публичных мероприятий).

Интересно, что индивидуальные стратегии и конкретные действия активистов в публичной сфере могут существенно отличаться от тех, что реализуются ими же от имени инициативы или организации. Многие активисты, журналисты и политики параллельно с официальным блогот или каналом, принадлежащими организации или инициативе, имеют личные медийные каналы в соцсетях, где говорят о значимых для себя темах так, как считают нужным — осознанно принимая связанные с этим персональные риски, но не подвергая рискам коллег и сотрудников.

«Моя позиция — она антивоенная, я её не скрывала никогда! Но я не использовала наше издание как площадку для того, чтобы эту позицию озвучивать (...) И, конечно, ужасно, что мы не можем об этом [о военных преступлениях] писать, потому что я знаю такие истории. Меня это прям раздражает!» (журналистка лицензированного регионального издания)

То же самое касается и действий. Одиночный пикет — это другая форма персонализированного публичного поведения, при которой человек берет на себя индивидуальную ответственность, минимизируя при этом риски для активистского сообщества.

«Я часто выхожу на площадь, беру маркер и рисую [пишет лозунги, рисует протестные постеры] — по разным темам, которые я считаю важным» (политический активист).

В большинстве случаев, это не форма героизма, а тщательно продуманные действия, за которыми стоит детальное понимание нюансов и контекста. По словам активистов, риски могут различаться даже в разных районах одного города, в зависимости от лояльности полицейских в разных отделениях или администрации в мэрии.

«Меня очень поразило, как в городе N митинги согласовывают! Я ходил на митинг ЖКХ против поднятия тарифов. Ходил на митинг против репрессий, памяти жертв репрессий. Меня поражало, как свободно они это про-

водят, и все с плакатами! Очень не стесняются, не самоцензурируются люди здесь. Т.е. для людей реально очень важна эта память, и в мэрии это понимают» (политический активист).

Объясняя нам нюансы рисков публичного протестного действия — границы *красных линий* — наши собеседники уточняли, что, например, обобщения вроде «силовики» — не имеют смысла, потому что местная полиция конкретного участка, Росгвардия, ОМОН, ФСБ и центр «Э» — это разные органы, часто не имеющие между собой контакта, состоящие в конфликтах, имеющие разные полномочия и виды отчетности. Эти различия означают и совершенно разные последствия от взаимоотношений с ними.

«ФСБ — это не полицейские! Это значит, что они бандиты и могут с тобой все что угодно сделать. Им закон не писан. Это люди, с которыми надо максимально быть аккуратным. Тогда как с полицейскими я больше себе вольности позволяю... И я ещё понял, что они не взаимодействуют между собой: ФСБшники не взаимодействуют с ментами, менты с прокуратурой — они между собой вообще никак не коннектятся, информацию не передают» (политический активист).

«Ну, то есть вы же понимаете, что просто силовики — они же тоже, как и любое общество — они же не черно-белые» (независимая журналистка).

На практике это означает, например, что можно провести акцию, реакция на которую будет в полномочиях полиции, но нельзя делать того, что спровоцирует вмешательство «ФСБ-шников» или заинтересует «эшников». То, что нельзя в одном регионе — можно в другом, т.к. там другое МВД и акция скорее всего обойдется без последствий.

«Небезопасно выходить на одиночные пикеты. Хотя в N [название города] очень безопасно, потому что главное то, с какой темой ты выходишь! <...> Полицейские в N очень вежливые. «Уважаемые граждане» — обращаются. Со мной так не общались в X [название города]!» (политическая активистка)

Публичные выражения протеста на индивидуальном уровне уважаются в сообществе и находят поддержку — будь то пожертвования на оплату штрафов и юристов, помощь с документацией акций или распространением информации. В то же время высоко

ценятся изобретательность и способность трезво оценивать риски, грамотное маневрирование между *красными линиями*. Так, например, открытая публичная критика войны и режима воспринимается в 2025 скорее как недалёковидность, чем как проявление героизма.

«Какой смысл сейчас кричать об антивоенной позиции? Все и так знают, где кто находится. Вы будете кричать, вас арестуют — кому это выгодно? Только режиму» (Цитата из неформальной беседы с активистом).

Моральная и этическая оценка деятельности друг друга внутри активистского сообщества меняется вместе с новыми законами, с арестами и штрафами, которыми чревато их нарушение. Если в 2022 году молчание о войне нередко воспринималось как признак аморальности или трусости, то к 2025 году открытое заявление о своей позиции всё чаще расценивается как неоправданный риск.

«Все нормально, в этом баре все свои»: между осторожностью и открытостью

Отношения активистов внутри сообществ единомышленников, разделяющих взгляды и ценности друг друга, также регулируются *красными линиями*. Правила, определяющие поведение на полуприватном и даже на полупубличном уровне — отличаются от тех, что регулируют действия в публичной сфере.

В кругу антивоенных и антирежимных активистов самоцензура не принята. Напротив, степень открытости и откровенности часто определяет уровень взаимного доверия. Так, если в публичном пространстве запрещено использовать слово *война*, то на полуприватных мероприятиях употребление официальных терминов вроде «СВО» может поставить под сомнение позицию человека и повлечь репутационные риски. Однако когда мероприятие выходит на полупубличный уровень и предполагает привлечение через социальные сети более широкого круга участников (например, вечер писем политзаключённым, дебаты и т. п.) — правила поведения и язык могут меняться. Границы коллективной ответственности каждый раз нащупываются, в зависимости от контекста. *Красная линия* в таких случаях гибкая и подвижная и зависит от организаторов, тематики, места проведения мероприятия, формата, аудито-

рии. Известны случаи, когда на подобные мероприятия приходили сотрудники ФСБ или «эшники» в штатском. И хотя опытные организаторы чаще всего умеют отличать их от участников-единомышленников, риски остаются.

«Слово война — это уже фейк и дискредитация армии. Но между собой люди говорят война. Если я считаю, что человек может быть из ФСБ [человек из аудитории], то перестаю с ним откровенно и открыто говорить» (активистка, организаторка мероприятий).

На полупубличном уровне особенно сложно соблюсти баланс между открытостью и осторожностью. С одной стороны, организаторы совместно с юристами тщательно выверяют анонсы и любую информацию, которая может просочиться в публичное пространство, чтобы минимизировать риски и не подвергать опасности ни само мероприятие, ни его участников. С другой стороны, уровень откровенности на таких встречах остается достаточно высоким. Важно ясно обозначать свою позицию в отношении режима, чтобы поддерживать атмосферу солидарности и не разочаровывать аудиторию. При этом высказывания участников не подвергаются цензуре — подобная практика считается неэтичной. Организаторы вынуждены брать на себя связанные с такими ситуациями риски, чтобы сохранить доверие и репутацию внутри сообщества.

«Но людей на самих ивентах не ограничиваем. Они сами выбирают, готовы они говорить война или не готовы» (активист, организатор мероприятий).

Среди рисков, ограничивающих поведение и коммуникацию на встречах в активистских кругах, особое место занимают так называемые «стукачи» или информаторы. Несмотря на наличие процедур верификации участников, этот риск остается слабо контролируемым.

«К темам [их формулировкам со стороны организаторов] — не придерешься. Но к тому, что звучит на дебатах — там очень откровенные речи... Я сам иногда говорю такое, что если бы кто-то слушал, а возможен такой риск, то это уже большие проблемы...» (политический активист).

Многие наши собеседники отмечали, что стараются не думать о возможных информаторах. Подобные подозрения, во-первых, приводят к состоянию постоянной паранойи и фактической блокировке деятельности, во-вторых, подрывают этические и моральные основы

коммуникации и доверия. Это, в свою очередь, негативно сказывается на работе коллективов и затрудняет привлечение новых участников. Между тем расширение аудитории остаётся для активистов одной из стратегически важных задач.

На прилавках книжного магазина в Санкт-Петербурге, лето 2024. Фото Сергея Румянцева.

Один из наших собеседников лично столкнулся с несправедливостью подобных подозрений. Вынужденный покинуть родной город из-за преследования за политическую активность, он начал искать единомышленников уже на новом месте. В городе как раз набирали волонтеров для участия в кампании в защиту прямых выборов мэра. Получив контакт ответственного за отбор надежных людей, он был готов включиться в работу — но неожиданно столкнулся с недоверием.

«Помощник N, после собеседования со мной, побежал в приемную N и сказал ему: „Сейчас придет молодой человек — гоните его: он стопроцентный эшник! Это мне приятель рассказал, который был этому свидетелем. Может [после этого] N хотел меня проверить, потому что сразу мне всучил: „Подавай в мэрию уведомление об одиночном пикете“. Я подумал: „Ну ладно!“. Его помощник, наверное, только через год перестал считать меня эшником и мне признался: „Всё, я тебя больше не считаю эшником“. Я говорю: „Спасибо!“. Так и закрепилось это и потом в шутку превратилось, и мы до сих пор шутим, что я эшник» (политический активист).

Значимые детали и границы, определяющие риски, сложно уловить, не находясь внутри контекста. В процессе нашего исследования в российских городах, не будучи знакомыми с местными нюансами, мы не раз оказывались в ситуациях, когда не понимали, как правильно себя вести. Например, в пространстве одного кафе наши собеседники — местные активисты — внезапно понижали голос, обсуждая войну или свою деятельность. Однако в тот же вечер, уже в другом баре, они вполне открыто и громко говорили о своем отношении к режиму. На наш вопрос о возможных рисках они ответили: «Всё нормально, в этом баре все свои — „зэтники“ сюда не ходят».

Запрос в активистской среде на коммуникацию с широким кругом людей в полуприватной сфере и на увеличение аудитории в полупубличной особенно проявился в 2024—2025 годах. В первые два года после начала полномасштабной войны активисты стремились взаимодействовать исключительно с единомышленниками, осуждающими войну и режим. Но уже начиная с конца 2023 года мы наблюдаем тенденцию выхода за пределы узких «бабблов». Всё чаще активисты взаимодействуют с теми, кто не разделяет антивоенную или антирежимную позицию. Этот сдвиг связан, с одной стороны, с процессом нормализации и привыкания к новым условиям социального сосуществования, а с другой — с изменением уровня осуждения и контроля внутри самих активистских сообществ. Если в 2022 году дружеские контакты с *не своими* могли вызвать осуждение или неформальные санкции, то в 2024–2025 годах такая «неразборчивость» всё чаще воспринимается как личный выбор и зона индивидуальной ответственности.

«Моя позиция [антирежимная и антивоенная] всем известна. У меня как раз нет информационного пузыря. У меня среди друзей куча людей, есть четко провоенные и четко антивоенные» (редакторка регионального медиа, активистка).

Повседневные и неизбежные контакты активистов с людьми самых разных взглядов побудили их менять подходы к работе, привлекать новых участников в инициативы. Самое сложное — выстраивать взаимодействие с так называемыми *не-противниками войны* (Ерпылева, Каппинен, 2023). Этот тренд возник прежде всего на персональном уровне — среди людей с широкими и разносторонними социальными связями. Со временем эта тенденция оформилась как одна из ключевых стратегий активистских инициатив, направленных на расширение круга влияния: переубеждение *не-противников* стало для многих активистов вызовом и целью работы.

Таким образом, постепенно *красные линии*, регулирующие взаимодействие внутри узких сообществ, становились более подвижными, что способствовало выходу активистов за пределы замкнутых «бабблов» единомышленников. Сегодня принято самостоятельно взвешивать риски и определять границы допустимого поведения в полуприватном и полупубличном поле: где и с кем встречаться, какие связи использовать и как действовать. Это расширило репертуар возможных форм участия и привлекло множество новых сторонников к различным инициативам, таким как защита зелёных зон в городах, сохранение культурного наследия, борьба за права животных, борьба против реформы ЖКХ и т. п.

«Мы с ней не обсуждаем политику»: активизм и частная жизнь

Парадоксально, но государственная повестка сегодня оказывает значительное влияние на взаимодействия людей в приватной сфере — прежде всего через механизм пропаганды. Многие наши собеседники отмечали, что трудности в отношениях с близкими начались ещё в 2014 году, но после февраля 2022-го они стали значительно острее. Из-за несовпадения позиций происходили разрывы отношений с родителями, разводы, прекращение общения с друзьями и родственниками.

При этом многие молодые активисты не могут позволить себе арендовать отдельное жильё и продолжают жить с родителями. В результате напряжённые отношения в семье затягиваются на годы.

«Мама была за то, чтобы я уехала. Она, наверное, до войны меня поддерживала. А вот когда началась война... Но мамин муж, с которым мы с моих 6-ти лет живем — нет, он [меня] не поддерживает. Ну потому что у него родственники — чиновники» (политическая активистка).

Чтобы избежать конфликтов, многим активистам пришлось выработать особые правила общения с родственниками и друзьями. Несмотря на то, что эти правила могут отличаться в каждой конкретной ситуации, *красные линии* во многом совпадают в разных кейсах. Как правило, под запретом для обсуждения с родственниками оказываются «горячие темы»: политика, путинский режим и личность президента, военные действия и их последствия.

Иркутск, лето 2025, проект Ухивса, уличного художника из Восточной Сибири. Фото автора проекта.

В то же время из рассказов активистов мы знаем, что даже не разделяя их политическую позицию, родственники нередко оказывают поддержку в трудных ситуациях — например, при штрафах, обысках и арестах. В некоторых случаях активисты решаются на рискованные действия, рассчитывая именно на эту семейную поддержку и на социальные связи своих близких.

«Мама меня поддерживала, и до сих пор очень поддерживает, потому что она понимает несправедливость. Мы с ней не обсуждаем политику, но она понимает и чем занимаются на самом деле менты, и правоохранные органы и так далее. Поэтому, да, она меня в этом [когда были вызовы на допросы], конечно же, поддерживала — какая мать захочет, чтобы её сына посадили?!» (политический активист)

«У нас прошел обыск достаточно спокойно, по меркам других людей. И, наверное, это потому, что мамин муж позвонил своим знакомым в ФСБ и попросил, чтобы было попроще. У меня изъяли мою технику, мой телефон и мой ноутбук. Но некоторые вещи, которые могли бы изъять — их не изымали» (политический активист).

Для активистов граница между частной жизнью и активистской деятельностью довольно условна, поскольку активизм тесно связан с повседневностью и опирается на личные ценности. Именно поэ-

тому конфликты с близкими особенно болезненно отражаются на психологическом состоянии. Под давлением репрессий и в условиях отсутствия поддержки многие в таких ситуациях либо покидают страну, либо отказываются от участия в активистской деятельности.

«Проектирование в Мариуполе конечно же нам предлагали, но я от этого отказывался»: активизм и профессиональная деятельность

В ходе обсуждения с нашими собеседниками их активистской и профессиональной деятельности мы выявили ряд любопытных различий между активизмом и работой — в самоидентификации, в логике принятия решений, в правилах коммуникации и в понимании границ допустимого.

«Я был журналистом с пресс-картой. Я делал именно журналистскую работу. Не то чтобы я был активистом, как я сейчас себя идентифицирую. [...] Активист — это, мне кажется, человек, который находится прямо внутри этих процессов, человек, который выходит с плакатом и так далее, а журналист находится, наоборот, рядом. Журналист — это наблюдатель. И сейчас, когда у меня нет ксивы, то я перестаю быть наблюдателем. Я уже внутри этих процессов, когда пишу эти тексты» (журналист независимого регионального медиа).

Для значительной части наших собеседников круги общения в активистской и профессиональной сферах пересекаются лишь частично. Среди антивоенных и антирежимных активистов много профессиональных журналистов, экологов, урбанистов, краеведов, политиков и других специалистов. Однако если в активистской деятельности они вращаются в кругу *своих*, то профессиональная деятельность для многих напрямую связана с публичной сферой и предполагает широкий круг общения — в том числе с представителями власти, бизнеса и коллегами, занимающими разные позиции по отношению к политическому режиму и военным действиям, вплоть до тех, кто прямо или косвенно связан с ними. Как мы уже отметили — в публичной сфере и в кругу единомышленников действуют разные неформальные правила общения. Сегодняшнему активисту необходимы умение правильно определять коммуникативную

ситуацию и связанные с ней *красные линии*, способность маневрировать между ними и понимать нюансы, особенно чтобы иметь возможность продолжать профессиональную деятельность. Возникают вопросы не только безопасности, но и этики — персональной и профессиональной.

Для руководителей с антивоенными и антирежимными убеждениями проблема ценностного выбора стоит особенно остро, поскольку они несут ответственность не только за работу организации, но и за благополучие сотрудников. *Красные линии*, как и во многих других ситуациях, здесь размыты и ситуативны, и зависят от личного решения руководителя, от политики организации, от решений коллектива и т.д. Однако можно выделить общие тенденции, влияющие на принятия решений. Например, избегание сотрудничества с государственными структурами и заказчиками.

«Я продолжаю работать в России, но мы не работаем непосредственно с какими-то госзаказчиками. (...) Профессиональная востребованность дает право выбора. То есть от каких-то заказов мы можем отказываться. Потому что уж там — проектирование в Мариуполе конечно же нам предлагали, но я от этого отказывался» (один из руководителей строительного бизнеса, политический активист).

Для многих профессиональных сфер общение с исполнительной властью неизбежно (например, журналисты, городские планировщики и проектировщики, экологические или социальные инициативы). В этих случаях действует правило — не работать с «зетниками», т.е. с теми чиновниками, кто публично обозначил свою провоенную позицию, «засветился» в «Z-патриотических» мероприятиях или высказываниях. При этом, остальных чиновников оценивают исходя из профессиональных и человеческих качеств. Вместо генерирующих терминов вроде *режим*, *власть*, *государство*, активисты говорят о конкретных людях, их профессионализме и личном опыте взаимодействия. Чем дольше знакомство и практический опыт совместной работы, тем выше уровень доверия и возможность сотрудничества, несмотря на идеологические разногласия.

Например, в одном из городов несколько собеседников упоминали министра по делам молодежи как человека, который, по их словам, в какой-то период стремился разобраться в актуальных проблемах, организовывал публичные встречи с представителями НКО и инициатив с целью их поддержки.

«Нам повезло, что у нас был либеральный министр молодежи. Он был такой, знаете, гибкий. Когда был самый первый митинг Алексея Навального, он тоже пришел. И он пытался там поговорить с молодежью, чтобы узнать, в чем дело. Но достаточно быстро, через год он, так скажем, скурвился» (лидерка активистской организации).

Некоторые наши собеседники подчеркивали, что в государственных структурах по-прежнему встречаются компетентные и порядочные специалисты, некоторые из которых даже втайне поддерживают противников режима. Однако открытая демонстрация такой позиции или поддержка «неблагонадёжных» организаций сегодня может повлечь серьезные последствия для чиновников — увольнение с госслужбы, штрафы и другие санкции. Показателен случай, когда в 2024 г. в ежегодном конкурсе локальных медиа первое место было присуждено независимому изданию, которое только что лишили лицензии, а руководство объявили в розыск. Когда это выяснилось, разгорелся скандал, и чиновника среднего уровня, проводившего церемонию вручения наград, уволили.

В администрации нужно было найти виноватого и уволили очень компетентного секретаря [мэрии города]. Решили, что он распределял призы, хотя сертификат, который выдали X [независимому медиа, занявшему первое место в региональном конкурсе] был подписан не им, а вице-мэром города. Мне вот очень обидно, потому что я знаю его [пресс-секретаря мэрии] как очень профессионального. Потому сейчас [на его место] пришел человек, которому лишь бы что-нибудь ответить, ничего не раскрыть, несет какую-то хрень» (одна из руководителей независимого локального медиа).

Ещё одна проблема связана с поиском финансирования профессиональной деятельности. Это особенно актуально для негосударственных некоммерческих организаций, не аффилированных с государством и часто совмещающих активизм с профессиональной работой — например, в сферах охраны памятников, зелёных зон, водоёмов, помощи бездомным животным и др. Такие НКО и инициативы, как правило, зависящие от грантов, оказались перед крайне сложным выбором. В современной России практически не осталось источников финансирования, кроме государственных грантов (например, Президентских или от Росмолодёжи) (Солидарность под давлением, 2025: 34), а также ограниченного числа частных фондов, связанных с крупным бизнесом — таких, как «Газпром»

или Фонд Потанина. Участие этих структур в военной экономике делает вопрос «брать или не брать у них деньги» предметом сложного этического выбора.

Дебаты об этичности источников финансирования в кругу активистов-единомышленников продолжаются уже несколько лет, однако их острота постепенно снижается. Так, негласные правила 2023 года предписывали «ни при каких обстоятельствах не брать деньги ни у государства, ни у корпораций — лучше распустить организацию». В результате инициативы и НКО, продолжавшие участвовать в конкурсах на государственные гранты, подвергались резкой критике и негласному бойкоту со стороны коллег. Однако к 2024–2025 годам репутационные *красные линии* стали менее строгими. Для многих активистов выживание дружественных организаций во враждебной среде оказалось важнее, чем бескомпромиссная позиция по вопросу финансирования. Несмотря на то что активисты по-прежнему отвергают сотрудничество с режимом, большинство придерживаются прагматичной позиции в области финансирования. Они считают, что использование средств налогоплательщиков (через гранты) для поддержки прогрессивных инициатив — оправданная стратегия продвижения антивоенных и демократических проектов.

Свою роль сыграли и примеры того, как полученные активистами от государства или от бизнеса гранты фактически расходовались на откровенно антивоенные по своей сути проекты, хотя это не было очевидно не по заявке на грант, ни по отчетности. В целом, современный консенсус заключается в том, что решения об источниках финансирования каждая организация принимает самостоятельно. Чтобы избежать трений, а также по соображениям безопасности (особенно при получении средств из-за рубежа), эта тема сегодня редко поднимается в профессиональной среде и, как правило, замалчивалась в беседах с нами, если разговор записывался⁶.

⁶ Наши собеседники предпочитали не обсуждать вопросы финансирования в интервью, но делились информацией в неформальных разговорах; исследование наших коллег из Центра им. Ханны Арендт подтверждает наши наблюдения: «Большинство респондентов упоминали государство в роли антагониста, но при этом около половины или пользуются его ресурсами, или задумываются об этом, поскольку внешнее финансирование сокращается с каждым годом». (Солидарность под давлением 2025, 47-48); «некоторые собеседники считают, что лучше брать государственные деньги и пускать их на „хорошие“ вещи» (там же: 58).

«Собрались абсолютно разные люди из разных движух»: оппозиционная политика в современной России

Трансформация границ приемлемого и неприемлемого в профессиональной среде особенно ярко проявляется в политике. Достижение профессиональных целей в этой сфере требует не только взаимодействия с единомышленниками и продвижения собственных (активистских) ценностей, но и вовлечения максимально широкого круга жителей района или города, а также получения поддержки, в том числе со стороны людей с иными идеологическими взглядами.

Исходя из объяснений наших собеседников, под профессиональной политической деятельностью понимается участие в институтах политической системы — например, работа в избирательной кампании или избирательной комиссии, организация выборов и участие в них. Интересно, что ценность института выборов не подвергается сомнению, однако отсутствует доверие к процедурам проведения выборов в современной России и наблюдается общее разочарование в политических партиях. На этом фоне российским оппозиционным политикам приходится пересматривать свои цели и стратегии. Во-первых, в новых условиях особое значение приобретает личная репутация — особенно на местном уровне — а не партийная принадлежность. Во-вторых, всё более заметным становится прагматичный подход как к участию в выборах, так и к взаимодействию с партиями.

В ответах на вопрос о смысле участия в дискредитированных выборах обычно подчеркивается важность приобретения опыта и сторонников, выстраивания связей и развития навыков ведения диалога — всего того, что может пригодиться в будущем.

«Маятник качнётся в другую сторону, и мы будем нужны нашей стране. Пока я считаю, что основная деятельность — это выстраивание горизонтальных связей. Потому что когда вот это вот все развернется от ультра консерватизма, надо, чтобы люди хорошо общались с друг с другом...» (политический активист, профессиональный политик).

Любые зарегистрированные партии всё чаще рассматриваются утилитарно — как инструмент для встраивания в политическую систему.

При этом необязательно разделять взгляды и становиться частью партии: активисты часто подчеркивают свое неприятие партийной структуры как таковой, лидеров, программ и других аспектов деятельности этих партий.

«Я всем наблюдателям говорю, что какая разница от какой избирательной партии мы идём? Мы же наблюдаем, мы не интересы какого-то определенного кандидата продвигаем! И наша задача — это борьба с нарушениями комиссии. Когда комиссия работает честно, то и побеждает кто надо — кого люди хотят. Но вот чтобы кандидатом идти от КПРФ — не, до свидания! Ни за что! Я их вообще не поддерживаю нисколько! Они очень лицемерными кажутся!» (политический активист, самовыдвиженец)

Договоренности о сотрудничестве складываются на уровне личных контактов, особенно в регионах. Подобный прагматизм и игнорирование активистами целей и ценностей, лежащих в основе идеологических программ, как ни удивительно, оказываются приемлемыми для членов самих партий, от имени которых действуют активисты⁷. И те, и другие объединены главной общей целью — противостоянием однопартийной системе и доминированию «Единой России». Здесь прослеживается чёткая *красная линия*, которая и легитимизирует этот прагматизм: «Кто угодно, кроме „ЕдРа“⁸». В результате партийные и идеологические разногласия рассматриваются как допустимые с точки зрения общей тактики и стратегии.

«Я знаю лично людей [среди единомышленников], которые шли [кандидатами на выборах] от эсеров [Справедливая Россия]. Знаю людей, которые шли от КПРФ, просто используя партии юридически, и всё. Ну, в итоге, многие шли самовыдвиженцами. Прагматизм — да, абсолютно! Сейчас мы задним числом понимаем, что поле абсолютно зачищено, а тогда [в 2020] мы надеялись в какую-то щель пролезть» (политик, политический активист).

Условная «всеядность», или то, что мы назвали «политическим промискуитетом» (см. Red Lines, 2025), постепенно стала нормой внутри оппозиционного политического сообщества, особенно среди молодых активистов. Важно ещё раз подчеркнуть, что такая прагматичная (и порой циничная) тактика не затрагивает базовые ценности и идеологические убеждения активистов-политиков, а рассматривается исключительно как инструмент для достижения политических целей. Например, мы наблюдали за кампа-

⁷ У политических партий, от имени которых выступают независимые политики и активисты, есть собственные цели и стратегии, которые допускают подобное сотрудничество, например, интерес к привлечению как можно большего числа наблюдателей на выборы (все стороны заинтересованы в минимизации фальсификаций), выдвижение кандидатов в регионах (в том числе так называемых «технических кандидатов»), присутствие в политическом поле благодаря поддержке харизматичного местного политика, и другие тактические задачи.

⁸ Некоторые наши собеседники к неприемлемым для сотрудничества также добавляют ЛДПР.

нией молодого политика, которому приходилось удерживать сложный баланс между ситуационной прагматикой профессионального политического поведения, собственными убеждениями и публичной репутацией. По его словам, сотрудничество с идеологическими оппонентами ради решения конкретной задачи — лично ему неприятно, но вполне допустимо в логике профессиональной политики. В кругу вовлечённых единомышленников на полупубличном уровне такая стратегия воспринимается с пониманием, однако в публичном пространстве она сопряжена с репутационными рисками.

«Но в целом [в штабе] собрались абсолютно разные люди из разных движух. Например, „Общество. Будущее“ — это националисты. Они поддерживают Великую Россию, империю, возвращение. А с другой стороны, они за выборы, за демократию, то есть такие нацдемы. Для меня это было неприятно, и поэтому я была против какого-то прям сближения публичного. Но когда мы надеялись все-таки, что зарегистрируют, я поняла, что, может быть, стратегически это имеет какой-то смысл» (политик, политическая активистка).

Таким образом, к 2025 году мы наблюдаем, что границы приемлемого в действиях профессиональных политиков с оппозиционными взглядами становятся гибче. Это касается не только участия в выборах, но и более широких форм взаимодействия между людьми с различными политическими позициями. В условиях усиливающихся репрессий, монополизации власти и общей неопределенности основное внимание сосредотачивается на сохранении самой возможности политического действия — каким бы ограниченным оно ни было. Как и в других случаях, чёткость и гибкость *красных линий* варьируются в зависимости от конкретного контекста, например, плотности и разнообразия активистской среды в том или ином городе, степени репрессий, удаленности от «центра» и т.д.

«Я хочу, чтобы и Кац вернулся, и ФБК вернулись. У нас ребята [в активисткой тусовке] — кто-то считает, что Кац прав, кто-то ФБК, но это никак не влияет на наши взгляды, потому что мы понимаем, что мы сейчас не можем из-за этого поругаться. Хотя, может быть, в сети это выглядит так, как будто все готовы порвать друг друга из-за того, но здесь так это не ощущается. Мы можем быть не согласны, но проблема есть посерьезнее, чем Кац и ФБК.» (политик, политический активист).

При этом, по нашим наблюдениям, тенденция к «политической неразборчивости» вызывает критику и неприятие со стороны тех, кто не погружен в контекст. Эта тактика нередко становится демаркационной линией, разделяющей *оставшихся* и *уехавших* — как в случае с известным мемом о «белом пальто»⁹.

⁹ Это выражение (принадлежащее Валерии Новодворской) после 2022 года используется применительно к оппозиционно настроенным россиянам — как правило, находящимся за границей и, в этом смысле, в относительной безопасности — которые считают себя вправе судить и давать советы оппозиционерам внутри России относительно допустимого и недопустимого поведения: «Помимо традиционного народно-психологического толкования (говорить из позиции априорной собственной правоты, взирать свысока и пр.) „быть в белом пальто“ теперь означает и „критиковать из-за поребрика, из безопасного места“». (Архангельский, 2023)

«Я люблю выражение, что свобода слова важнее твоих чувств. Мне может как угодно не нравиться или быть неприятен Кац, или кто-то ещё — для меня ценнее, чтобы они приехали и демократию красиво сделали. То есть я готов пожертвовать какими-то взглядами на что-то, потому что первостепенно для меня — свобода. Может быть, звучит немножко пафосно, но я так искренне считаю. Поэтому меня вот эти все руганья не трогают. Я понимаю, что каждый из них станет частью вот этого процесса. Если он, конечно, и в нашей жизни случится. Будем надеяться» (политический активист).

Политики в эмиграции, как правило, склонны очерчивать другие и гораздо более жесткие *красные линии*. Тогда как активисты, продолжающие действовать внутри России предпочитают более ситуативный, гибкий подход¹⁰.

¹⁰ Примером подобного расхождения в точках зрения и восприятии ситуации могут служить дебаты уехавшего журналиста и находящегося внутри России политика на «Живом гвозде».

«Мастерплан одного города, не буду говорить, какого»: границы сотрудничества с не-единомышленниками

Похожие тенденции наблюдаются и в других профессиональных сферах: прагматическая логика достижения целей оказывается важнее идеологических и политических убеждений. Например, в инициативах по защите культурного наследия, зелёных зон или лесов от пожаров успех чаще всего зависит от того, насколько широко удаётся вовлечь профессионалов и волонтеров — вне зависимости от их политических взглядов. Это могут быть экологи, архитекторы и ландшафтные дизайнеры, историки и культурологи — те, кто обладает профессиональной экспертизой и опытом. В таких сообществах и инициативах *красными линиями* становятся любые темы или действия, способные «разъединять» и оттолкнуть участников. Поэтому в кругу коллег избегают обсуждения режима, войны и других политически чувствительных вопросов.

«В общем, X (название организации) — тоже чисто низовое движение, они тоже стараются дистанцироваться от политики, потому что там разные есть люди — и пропутинские, антипутинские, антигосударственно настроенные, прогосударственно настроенные. Они вот стараются дистанцироваться от политики, но именно эко тему они прокачивают достаточно профессионально» (активистка).

Ещё один пример сложных взаимоотношений внутри профессионального сообщества — обмен данными между журналистами, работающими в разных медиа. Журналисты федеральных каналов, имеют более широкий доступ к информации и официальным комментариям, чем их коллеги из оппозиционных СМИ. При этом мы наблюдаем случаи сотрудничества между представителями окологосударственных и независимых изданий. Несмотря на возможные идеологические разногласия, их объединяет поддержание журналистской профессиональной этики. Однако такие взаимодействия, как правило, остаются вне публичного поля — о них предпочитают не распространяться, чтобы избежать репутационных и институциональных рисков.

«Мне приходится всяко исхитряться, писать другому изданию, типа: «А можно я от вашего имени задам какой-нибудь вопрос?» [...] Ну да, сотрудничаем. Вот нужно нам, например, получить запрос какой-то от министерства какого-либо. Нам приходится писать какому-нибудь изданию — тем же «N» или «X» [официальные региональные СМИ], чтобы они задали этот вопрос, потому что им-то ответят, а нам нет» (активист, журналист независимого регионального медиа).

Контакты между коллегами чаще всего базируются на давних личных связях и иногда подкрепляются скрытой поддержкой оппозиционных взглядов.

«Если говорить про правительственные СМИ, типа телеграм-канал главный от администрации города — да я вообще не против с ними сотрудничать! Это обычные люди. Я абсолютно уверен, я знаю, что многие люди во власти городской не поддерживают то, что происходит, и они не открыто об этом говорят — типа, они могут тебе шепнуть об этом, и часто шепчут. Они не делают заявления, не пишут это в своих телеграм-каналах или там в СМИ администрации города, где они новости выкладывают. Ну, понятное дело, почему. Они рассказывают

тебе где-нибудь на ушко, если вы встречаетесь в баре. Ну, с ними — без проблем, я бы хотел с ними сотрудничать вообще как нечего делать»
(журналист независимого регионального медиа).

Таким образом, взаимодействие проходит не по оси около-государственные / оппозиционные СМИ, а по границе между журналистикой и пропагандой — то есть между профессионализмом и обслуживанием политического заказа.

«Но если мы говорим о изданиях типа X [региональное издание с Z-повесткой] или „Комсомольская правда“ — ну, здесь уже нет, конечно! Потому что там и люди неприятные сами по себе. Я не могу за них, например, как за администрацию сказать, что они всё понимают, потому что они как раз ни хрена не понимают. Вот с ними уже сотрудничать бы не получилось. Вот L [подруга, оппозиционная активистка] недавно мне сказала: „Я вот не вижу между вами разницы, вы занимаетесь той же самой пропагандой“. Я так не считаю. У меня нет цели выполнить какой-то план, норматив, который мне выдают, сделать какую-то методичку. Сказать, что вот эти плохие, а вот эти хорошие. Читатель сам сделает все выводы, которые нужно будет сделать. Я не считаю его за дурака или её. А вот это просто кондовая пропаганда: человек пишет одно, потом ему редактор ещё всяких эпитетов туда прилепит, типа „враг народа“ и всё такое — и уже выходит другой текст. И им нормально, они живут с этим» (журналист местного независимого медиа).

Как уже упоминалось выше, профессиональные сообщества сегодня крайне неоднородны в своих взглядах на режим и войну. Любое неосторожное высказывание может спровоцировать внутренние конфликты, расколы, а в некоторых случаях — угрозы и доносы. Поэтому разногласия чаще всего не проговариваются вслух, а выражаются в форме молчаливого избегания и дистанцирования.

«В [профессиональном] чатике был один такой чувак, который писал: «Кому интересно делать мастерплан одного города, не буду говорить, какого — напишите в личку, скажу вам какого». Но понятно, что речь идет про мастерплан Мариуполя. Просто они предпочитают вслух об этом сильно не говорить, потому что понимают, что все-таки это у большинства, наверное, вызывает так себе отношение. Я как-то уклоняюсь от какой-то прямой дискуссии с этими всеми людьми, просто стараюсь дер-

жаться подальше. На мероприятия не езжу» (архитектор, городской активист).

Необходимость постоянно делать выбор и лавировать между *красными линиями* способствовала развитию большей терпимости к отличающимся мнениям. Если в 2022 году моральные императивы были преимущественно адресованы другим — при малейшем несовпадении взглядов людей исключали из чатов, сообществ, круга общения — то к 2025 году россияне стали чаще формулировать свои собственные границы. С учетом трудных условий существования и важности хоть какого-то гражданского и политического действия, выросла ценность солидарности¹¹; усложнилось понимание и интерпретация социальной и политической реальности, стала очевидна большая роль ситуативности. На этом фоне постепенно стало «дурным тоном» навязывать пределы приемлемого поведения другим. Пожалуй, в этом кроется одно из важных отличий между *оставшимися* и *уехавшими*: последние как будто по-прежнему в духе отношений принятых в 2022 году считают себя в моральном праве формулировать *красные линии* для других.

¹¹ Наши коллеги описывают это в терминах сдвига от аффективной и конвенциональной солидарности к рефлексивной — т.е. солидарности с не-единомышленниками: «Такая солидарность предполагает помощь тем, кто не входит в круг своих ни в плане эмоций или семейственности, ни в плане задач. Более того, именно различия и несогласия становятся основой и топливом такой солидарности: сознательное преодоление границы „своей-чужой“ приводит к тому, что разногласия теряют свой дезинтегрирующий характер и становятся характеристиками связей, соединяющих людей». (Солидарность под давлением 2025: 10).

Иркутск, зима 2024. Фото Сергея Румянцева.

«Я не хочу покидать свою страну»: обострение конфликта между профессиональным и личным

¹² Методологическое замечание: мы полагаем, что подобные откровения в беседах с нами возникали благодаря тому, что в глазах наших собеседников мы являемся внешними, отстраненными слушателями — исследователями, пришедшими „со стороны“. С нами делились переживаниями, которые принято скрывать от других: от близких и семьи — потому что „не поймут“; от соратников — чтобы не усиливать тревожность и не демонстрировать уязвимость; и в целом — потому что жаловаться на страх и неуверенность, когда твои сограждане уничтожают чужие дома, судьбы и жизни, кажется, по меньшей мере, неуместным.

Практически в каждом нашем разговоре звучали сильные эмоциональные высказывания, связанные с обсуждением будущего¹². В этих размышлениях прослеживается широкий спектр переживаний — от попыток рационализации и спокойной оценки рисков и ресурсов, до метаний близких к отчаянию из-за неопределенности, в которой нужно принимать важнейшие жизненные решения.

«Я не хочу покидать свою страну, я хочу продолжать то, что я делаю, на её благо. <...> Но если мне скажут, что „либо тюрьма, либо свалива“ — тогда я свалю. Я не собираюсь жертвовать собой и дать посадить себя. Я полезнее на воле» (политик, политическая активистка).

Среди прочего, многие активисты сталкиваются с выгоранием и необходимостью перестраивать стратегии выживания. Сложности с финансированием в гражданском секторе и постоянная угроза репрессий ставят многих перед непростым выбором — между уходом из активизма и гражданской деятельности или отъездом из страны.

«Я все же думаю, наверное, что, может быть, через год я уйду из общественной деятельности совсем, потому что мне уже 30 лет. И мне хочется иметь более стабильный доход и более стабильную жизнь. Очень важно, что я осталась без личных денег. В том плане, что мне нужно оплачивать квартиру и так далее. Вот, наверное, я уйду» (политическая и социальная активистка, руководительница организации).

Уход из профессиональной деятельности, так же как и отъезд из страны представляется многим активистам — последней чертой, экзистенциальной *красной линией*, за пределами которой придется поменять жизнь и стать кем-то другим.

Обострение внутреннего конфликта между «профессионалом, поставленным в определённые условия» — с одной стороны, и «личностью с собственными убеждениями, сомнениями и моральными границами» — с другой — характерно не только для активистов. В разговорах упоминаются ситуации повседневного взаимодействия, в которых профессионалы из других

областей также проявляют эмпатию по отношению к активистам или персональную позицию (отличную от навязанной государством) и отступают от своих профессиональных обязательств. Это касается и работников государственных структур, в том числе карательных.

«Я помню, была полицейская, которая со мной всё это [время в отделении полиции] провела, и когда мы с ней прощались, она мне сказала, что: „Я тобой восхищаюсь! Ты всё правильно делаешь, верь в себя!“» (политический активист, политик)

Такие ситуации показывают, что не существует однозначного бинарного деления на тех, кто «за», и тех, кто «против», — на тех, кто на стороне репрессивного государства, и тех, кто ему противостоит. Во множестве интервью звучат примеры солидарности между людьми, которые, на первый взгляд, находятся по разные стороны баррикад.

«И вот был такой сложный момент, когда муниципалитету навязывались [обязательства распространять призывные] повестки. Я сказал начальнице [из районной администрации], что вы можете меня уволить — я этого делать не буду. У нас с ней были всегда откровенные отношения, и она сказала: „Иди в отпуск на пару недель, чтобы у коллег не было вопросов, почему ты этого не делаешь“» (политический активист).

Деятельность активистов в современной России опирается на знание локального контекста, на личный социальный капитал. Понимание разнообразия позиций и взглядов совершенно конкретных людей — полицейских, судей, прокуроров, чиновников — позволяет избегать ненужных рисков и даже находить поддержку. Поэтому любые обобщения общероссийского характера, которыми нередко грешат аналитики за пределами страны, значительно упрощают и искажают сложную систему отношений, сложившуюся к 2025 году.

Заключение

Осмысление современной российской реальности через призму *красных линий*, маркирующих границы дозволенного со стороны государства, и, одновременно, границы приемлемого со стороны профессиональных и активистских сообществ, позволяет нашим собеседникам действовать, оценивая риски и управляя ими. Это — новая стратегия 2024—2025 годов, которая ещё в 2022—2023 годах была почти недоступна, поскольку на тот момент новые очертания допустимого ещё только формировались. Данное обстоятельство не означает, что жизнь активистов существенно упростилась. Во-первых, *красные линии* прочерченные государством — это всё же репрессивный механизм. Во-вторых, им по-прежнему присуща высокая степень вариативности и динамики. Приходится постоянно пересматривать возможности для действий и высказываний как в повседневной, так и в профессиональной жизни. Непредсказуемость репрессивного аппарата усиливает беспокойство, поскольку спектр причин для уголовного преследования заметно расширился.

Обозначение *красных линий* контекстуально. На эти демаркации могут влиять непосредственная политическая обстановка в городе, компетенции активиста и его личная оценка рисков и готовность идти на жертвы, персональные отношения с силовиками в городе и даже семейная ситуация (связи родственников во власти и силовых структурах). Навигация и маневрирование в этом запутанном и меняющемся ландшафте требуют интуиции в считывании негласных правил. Однако тупиковые ситуации неизбежны, и соблюдение одних неформальных правил может вести к нарушению других, поскольку ограничения прочерчены не только государством, но и активистскими сообществами.

Значительное число деталей, в которых ориентируются активисты внутри страны, с трудом могут быть замечены и поняты извне. Иногда, выбор, совершаемый активистами, может показаться противоречивым или иррациональным. Однако нелогичные на первый взгляд решения на практике опираются на понятное только изнутри ощущение границ допустимого. Жизнь и деятельность активистов определяются сложностью и индивидуальностью стратегий, встроенных в авторитарный контекст, где уровень риска определяется не только объективными угрозами, но и субъективными оценками возможности действовать и приемлемой «ценой».

Наиболее важными изменениями, характеризующими активизм в России и его динамику, стали, на наш взгляд:

- в обществе в целом — смещение от противостояния и замыкания в «пузырях» в сторону роста солидарности;
- в среде активистов — смещение от жестких этических императивов в сторону прагматики сотрудничества;
- отказ от вынесения оценочных суждений и навязывания *красных линий* другим в ситуации, когда важную роль в принятии решений играют многочисленные нюансы, заведомо неизвестные никому, кроме действующих лиц (чаще всего, по причинам безопасности);
- отказ от обобщений в пользу значимости деталей, в том числе в отношении госструктур, включая силовые ведомства;
- солидаризация не на основе членства в определенных партиях или институциях, а через персональные отношения и репутацию.

Многие взгляды и представления, в соответствии с которыми существуют и действуют активисты в России в 2025 году, образует контраст с теми, которые значимы для *уехавших*. В результате разрыв между активистами, оставшимися в России и покинувшими её, увеличивается. Обе стороны осознают необходимость его преодоления и тем самым сохраняется шанс на рост солидарности и транснационального политического действия (Portes, 1990).

Использованная литература

Архангельский А. (2023) *Дырявое общество. Андрей Архангельский – про белое пальто*. Радио Свобода, 10 апреля 2023.

Ерпылева С., Каппинен С. (ред.) (2023). *Смириться с неизбежностью: как россияне оправдывают военное вторжение в Украину? Аналитический отчёт по результатам качественного социологического исследования (осень — зима 2022)*.

Солидарность под давлением (2025). Масштабное исследование гражданского общества на полевых данных 2024-го года. Исследовательский центр им. Ханны Арендт.

Portes, A. (1990). *Economic, Sociocultural and Political Transnationalism*. IMIS, Springer

Red Lines. The Dynamics of Russian Civic and Political Activism in 2022–2024. (2025). Solution Lab.

Unscorched earth 2.0: anti-war initiatives, decolonial activism and international cooperation projects. (2024).

Авторы:

Коллектив «Solution Lab»

Редакторы серии «Аналитические заметки»:

Елена Штайн, Сергей Румянцев, Александра Талавер

Вёрстка:

Лев Владов

Название:

«Я продолжаю работать в России»: гражданский и политический активизм в 2022-2025 годах

№3, ноябрь 2025

Опубликовано:

Centre for Independent Social Research in Berlin

CISR e.V. Berlin | www.cisr-berlin.org

Изображение на обложке: Иркутск, лето 2025, проект Ухивса, уличного художника из Восточной Сибири. Фото автора проекта.

